

The background is a dark, textured surface, possibly a book cover or a piece of art. A vertical band of yellowish-green color runs down the center. At the bottom of this band, there is a small, colorful figure that looks like a doll or a small person, wearing a blue and green outfit. The overall mood is mysterious and somber.

Андрей
Писателев

Будущее,
которого
нет...

Андрей Писателев

Будущее, которого нет...

«Издательские решения»

Писателев А.

Будущее, которого нет... / А. Писателев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-830633-4

Меньше философии — больше жизни... Чаще всего, мы отображаем самих себя в главном герое той сказки, которая чем-то походит на нашу жизнь. Только вдобавок мы наделяем его какими-то особенными способностями, которых не имеет настоящий герой, преувеличиваем те ситуации, которые прошли мимо лишь с легким касанием плеча, делаем счастливый финал там, где история не заканчивается...

ISBN 978-5-44-830633-4

© Писателев А.
© Издательские решения

Содержание

1	6
2	15
3	20
4	29
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Будущее, которого нет...

Андрей Писателев

*Один мой друг однажды сказал такую интересную фразу:
«Меньше философии, больше жизни!»... Именно так и началась эта
книга.*

© Андрей Писателев, 2016

© Олег Вовк, фотографии, 2016

© Ольга Нешпоренко, иллюстрации, 2016

Редактор Степан Ляхов

ISBN 978-5-4483-0633-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

– Слушай, а Расскажи мне сказку.... – раздался голос в полутьме комнаты, освещенной одной настольной лампой.

– Сказку...? Какую тебе сказку?

– Какую хочешь. – Полу игриво сказала она ему, уповая на его способность придумывать истории на ходу.

– ...Ну,...слушай.... Зима...., – тихонечко он прошептал....

Чаще всего, мы отображаем самих себя в главном герое той сказки, которая чем-то похожа на нашу жизнь. Только вдобавок мы наделяем его какими-то особенными способностями, которые не имеет настоящий герой, преувеличиваем те ситуации, которые прошли мимо лишь с легким касанием плеча, делаем счастливый финал там, где история не заканчивается....

1

Зяблый старый тускло освещаемый уличным светом из-за двойных стекол, заляпанных краской, коридор вел долго и прямо в высокую, обшитую металлом хрупкую деревянную дверь. Она была приоткрыта.... Желтый теплый свет ламп в пасмурную погоду создавал атмосферу уюта и приглашал заглянуть в кабинет. Людей там собралось довольно много, почти весь класс, оставшись после подготовительных занятий перед вступительными экзаменами в университеты. Учителя не было, занятия закончились, и школа устало снимала с себя напряжение шума и топота под мокрой, плохо отжатой тряпкой технички.

Из кабинета доносились вполне умеренные голоса классных лидеров или авторитетов коллектива, призывающие к тишине.

– Подождите, ну, давайте же послушаем, наконец!

– Давай уже быстрее, я домой хочу....

– Тише, ты! Давай, Коля. – Нетерпеливо кто-то произнес.

Высокий не по годам Коля откашлялся в сторону, взял свой исписанный двойной в клеточку листик и замер на мгновение. Ему предстояло переделать написанные им на бумаге строчки в слова, которых ждали его одноклассники. Он хотел услышать их мнение о своем первом написанном рассказе или, точнее говоря, просто о своей небольшой истории.

– Ну, вот я тут написал.... Хм. В общем....

– Да, давай уже.

– Нам всем очень хочется послушать.

Трясущимися от волнения руками он поднес листик к прямому не поднимающемуся взгляду. Перед его глазами вдруг начали вставать отрывки того, как эта история создавалась.

Это случилось не так давно, где-то, несколько недель назад. Коля вернулся со школы и по привычке сел за стол делать уроки, но как-то не задалось. В одиннадцатом классе уроки почти не задаются, а даже если и задаются, то не записываются ленивыми умами уже почти не школьников. Он что-то рисовал на листике, выводил какие-то лица в профиль, рисовал искаженные предметы. В это время его мысли были где-то очень далеко.... И вот одна такая мысль строила в его голове картинки одну за одной, продолжая какой-то сюжет. Коля ничего подобного раньше не видел. Он как-будто жил, но жил лишь внутри своей головы, он шел, но наяву – он сидел в кресле. Он общался с людьми, делал какие-то невероятные трюки, восстанавливал справедливость, влюблялся в красавиц, не прерывая одно развитие событий – но все это время он просто сидел и неподвижно смотрел в одну точку своим размытым взглядом.

С ним произошло то, что происходит далеко не со всеми людьми на нашей земле – он обрел воображение!

Теперь он стоял перед своими одноклассниками, предугадывая все в том же воображении, как они оценят его способность записывать свои придуманные истории. Он очень хотел поделиться со всеми своими фантазиями. Но, еще не начав читать, в его сладостном тщеславном воображении все одноклассники благодарили его, хвалили и восхищались тем, что знакомы с таким человеком, как он. Предвкушения будущего успеха всегда оказывались ложными, но он все равно надеялся на успех, в противном случае, любая неудача задавала ему стимул делать что-то еще, что-то новое, заставляя перепрыгнуть предыдущую планку, если она не была перепрыгнута с первого раза. И вот....

–Зи-ма... – отрывисто он произнес, – была очень непослушной в том году.... Зимние ночи при свете луны мало чем отличались от пасмурных зимних дней – все казалось одно. Праздники уже прошли, а до потепления оставались еще месяцы ожиданий. Так далеко, что можно было и не выдержат. В это время школьник третьего класса Маселкин сидел дома в своей уютной комнате при свете дневной лампы и смотрел в окно. Ему очень хотелось

лета, приключений и всего того, что обычно хотят третьеклассники. Но больше всего он хотел путешествий. Настоящих, которые смогли бы привести его в светлое и теплое будущее.

Под наплывом желаний и надоедливых уроков, он оставил на столе раскрытую тетрадь с недоделанным домашним заданием, собрал в портфель необходимые вещи: часы, вилку, учебник географии и русско-английский словарь. Сложил в полиэтиленовый пакетик всех солдатиков, кроме сержанта Джонсона. Чья-то пластмассовая рука продырявила пакет. Он достал санки, поставил на них ведро из ванной, а в ведро – весь конструктор, плюшевого медведя, подушку, две самые красивые машинки, все взять не получится. Сержант Джонсон разместился в самом переду саней, где была привязана веревка, командовать парадом будет он.

На пороге Маселкин туго завязал свою шапку-ушанку, натянул поглубже перчатки и сказал сам себе: «Вперед! К теплomu будущему!».

Но как только он открыл входную дверь, то увидел свою маму, тянувшую пакеты с работы.

– Ты куда собрался? Уроки сделал? Возьми сумку.... – Устало сказала она.

– Мам! Я отправляюсь в путешествие! Когда-нибудь я вернусь за тобой, и мы вместе туда пойдем, а сейчас....

– А ну-ка, заходи домой. Там холод – собачий!

– Ну, мам....

Первая же преграда заставила вернуться обратно. Но мальчик не стал разбирать свой рюкзак, а санки так и остались стоять у входа. Вечером или уже ночью, не разобрать, ведь при луне и снеге все равно не темнеет, но когда ожили уличные фонари, он тихонько оделся, неуклюже из-за пальто накинул на плечи портфель, взял в руки веревку своих санок и, стоя в очередной раз на пороге сказал, только на этот раз шепотом: «Вперед! К теплomu будущему!», – и скрылся за дверью.

Ученик третьего класса, шел по замерзшим ночным улицам, изредка ослепляемый встречными фарами неторопливых машин. Как только он вышел, его ноги повернули направо, где-то вдалеке послышался гул отправляющегося поезда с железнодорожной станции, грохот вагонов приготовился слиться с шарканьем его ботинок, и он отправился в свой путь вдоль машинной дороги по обочине, плавно волоча санки за спиной. Правая сторона ему всегда нравилась больше, чем левая, правая сторона ассоциировалась с добром и чем-то хорошим, поэтому он пошел туда, даже по дороге он старался идти с правой стороны. Он не чувствовал усталость, не чувствовал холод, хотя встречный ветер дул в его лицо с самого выхода, не чувствовал страха перед чем-то новым, как это часто чувствуют взрослые. Он просто верил в «свое» будущее, которое манило его «своим» теплом и светом.

За бугорком асфальтированной плохо расчищенной от снега дороги показалось небольшое круглое очертание чего-то яркого. Он ускорил шаг, энергично откидывая свою левую руку назад, а правой, держась за конец уже одубевшей от холода веревки. По дороге к этому свету ему почти никто не попадался. Один только мужчина шел с другой стороны плохо расчищенных проездов, весь пошатываясь и неопределенно смотревший в сторону мальчика, да и вообще в сторону каких-либо движений вокруг него. Несколько снегоуборочных машин, шелестевших рядом с ним, идущим у обочины, посигналили, как бы желая напутствия в дороге. Машины с желтыми шапками на крышах проезжали молча.

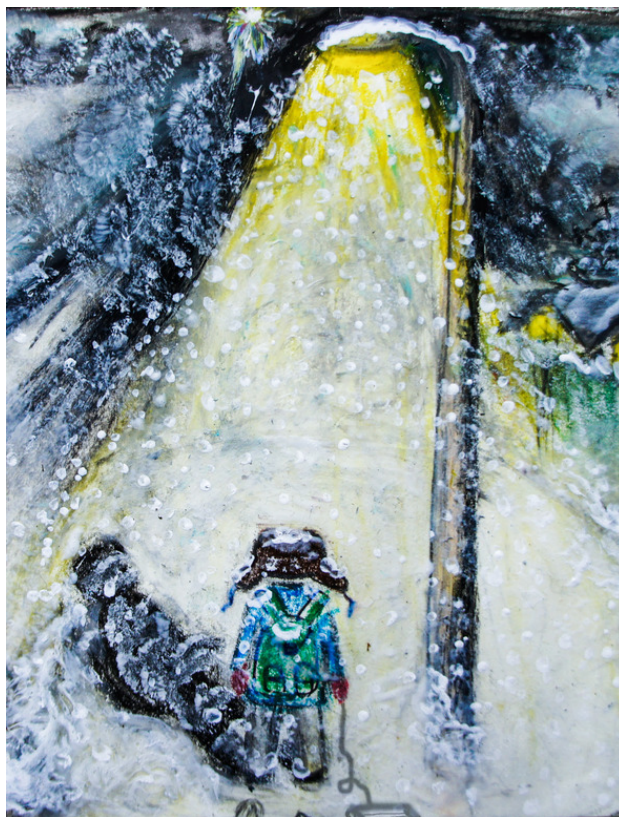
Улицы были пустынные и спокойные. В такой атмосфере путь казался намного интереснее, и можно было избежать глупых вопросов от встречных взрослых на счет того: откуда он, чей он, где живет. Бывало, как привяжутся со своим любопытством, аж до слез, его самого не слушают, а вопросы продолжают задавать. Он им слово, а они ему на каждую букву вопрос, еще и переспрашивают в непонимании, будто с дурачком каким разговаривают или с немым. Один раз из-за шапки, даже спутали его с девочкой.... Желтый свет фонарей падал на искристый снег, который падал на землю, поэтому она освещалась вдвойне. Снега не было днем, но с наступлением вечера все больше и больше снежинок спускалось вниз, десантируясь с серого неба.

Круглый свет вдали стал немножко ближе и больше, буквально на сантиметр, после часа ходьбы. Но теперь, когда пошел снег, видимость резко ухудшилась, и яркий свет потускнел и казался еще более далеким, как-будто он шел не к нему, а от него. Маселкин снял свой рюкзак с плеч и достал оттуда часы. В его комнате под рукой оказались только настольные часы с будильником, которые будили его в школу каждое утро. Они были неуклюже большими, но зато под них невозможно было проспать. На часах было без пяти двенадцать ночи....

Третьеклассники обычно не очень сочетаются с прогулками в полночь, но ведь и ночь не очень сочетается со светлым будущим, хотя ему верилось, что будущее очень сочетается с третьеклассниками. Он шел и говорил сам про себя в ритм скрипа его зимних ботинок по снегу. «Кем, интересно, я стану...? Будущее.... Хорошо это я все-таки придумал, так можно сразу раз – и ты там! Далеко ли до него вообще идти? Хорошо, что я прихватил с собой словарь, ведь из школьных уроков я выяснил, что далеко, за границей, с людьми можно разговаривать на английском – он является международным языком. Я, конечно, не очень говорю на нем, но несколько фраз знаю. Hello. Do you speak English? What is your name? Nice to meet you. Yes, I am hungry. Thank you. Ну вот, а для остального есть вилка и словарь. Словарь – это хорошо, но еще лучше было бы взять с собой бутерброд. Да и маме надо было хоть записку оставить. А то будет беспокоиться.... Позвоню ей потом. Будущее.... Там будет тепло и, наверное, уже не будет школы. Мне нравится школа, но не очень. Какой-то медленный процесс взросления, впитывающий жестокость и несправедливость. В будущем это произойдет намного быстрее и без несправедливостей. Поэтому я туда иду.... Будущее....».

Пройдя еще один час, мальчик пошел медленнее. Ноги уставали от снега, от тяжелых ботинок, впитавших холод, от отяжеляющего его движение игрушечного балласта, еще и голод этот.... Яркий свет стал еще ближе, но ничуть не ярче от этого. Ветер немного поутих, снег просто бесшумно продолжал падать, мороз стал подкрадываться снизу, постепенно поднимаясь от ботинок к коленям, а потом и ко всему телу. Он оделся тепло, но даже если ты надеваешь тысячу одежд на себя, через какое-то время они все пропитываются холодом и тебе пора домой, чтобы не заболеть – это знает каждый мальчишка. Маселкин решил, что это правило здесь не будет работать, он сильнее натянул горло кофты к носу, спрятал свободную руку в карман и пересек невидимую черту, обозначенную ржавеньким придорожным знаком «район Старожилово».

Было очевидным, что яркий круглый свет не может двигаться и уходить от него тем дальше, чем он подходил к нему ближе, но почему-то приближался он неохотно. В какой-то момент фонари над дорогой закончились и тропинка, по которой все время шел мальчик, утонула во мраке с одной лишь точкой яркого света вдалеке. Перед тем, как переступить черту тьмы он остановился у последнего фонаря.... Глаза пристально всматривались вперед, пытаясь разглядеть движимые и недвижимые объекты на его предстоящем пути. Как бы решительно не был настроен он, все-таки идти в темноте немного страшновато. Все неживое вдруг резко начинает двигаться, а все живое – замирать. Он еще раз посмотрел на яркий круг в конце оттененного темнотой тоннеля и сказал сам себе: «Когда приду в Будущее, надо будет достать где-нибудь фонарик....», – и нырнул в темную улицу.

Его компасом стал свет, что был впереди. Все остальное внизу было неразличимо на ощупь, так как было под снегом и ноги из-за мороза значительно теряли чувствительность. Справа от его пути возвышались заборы, за которыми были дома, которые было плохо видно через дырявые штакетины и заросли, обволакивающие их и обволаченные снегом. Проходя мимо одного из таких заборов, он старался производить, как можно меньше шума, стал тише дышать и мягче ступать на снег. Какая-то внутренняя тревога подсказывала ему делать именно так. За забором послышался звук лома веток, и резко падающего с этих веток на землю снега. Все притаилось. В темноте нельзя было разобрать, что это или кто это. Снег? Он ускорил шаг, следя боковым зрением за тем, что там происходит, как вдруг мальчик не заметил бордюра и нечаянно упал, зацепившись за него. Санки по накату догнали его и врезались в ногу, отчего он испуганно вскрикнул: «Ай!».

Из-за забора, где был шум, вдруг ударил рычащий треск звонкого собачьего лая, который напугал мальчика еще больше. Он не очень боялся собак, но тех, которые злобно лаяли, как-то немного недолюбливал. Маселкин быстро поднялся, не струшивая снега с колен. Лай стремительно приближался, заставлял его дышать чаще, идти быстрее, думать, что делать.

В запыхающемся дыхании ничего не было слышно, лай пропал. Полозья санок встречались с зольными камушками, посыпанными вдоль тропинок, чтобы люди не поскользывались, и издавали тревожный скрежет, заглушающий шум приближения....

Маселкин услышал настигающий его четырехлапый топот, а затем рык. Он побежал со всей силы, жадно хватаясь за свет впереди него. Ему казалось, что свет – есть спасение. Собака поравнялась с санками и подступила так близко, что почти хватала за пятки сбоку. Страх душил дыхание учащенных всхлипов. Он, весь дрожа, резко остановился, развернулся к ней лицом и громко закричал на нее, прикрываясь портфелем: «Аааааа!!!», «Фу! Фу!».

Она приготовилась к бою, инстинктивно отскочив на несколько метров назад, продолжала гавкать и рычать, прижимаясь к земле, как перед скачком, поднимая на зов остальных дворовых собак всего района Старожилово.

По звуку он понимал, где находится рычун, и что опасность немного отступила. Сердце мальчика дрогнуло не на шутку, у каждого бы дрогнуло. «Слышишь! Ты это.... Не мешай, уходи! Иди домой! Слышишь?».... Потихоньку, задом, он начал двигаться дальше. Для большей безопасности нашарил в портфеле одной рукой вилку, и выставил ее перед собой.

Под общий лай и шум собак он прошел еще минут двадцать спиной вперед, пока не начали появляться фонари, а та собака, видимо, не решила пойти дальше своего двора. Сержант Джонсон, возглавлявший операцию бегства, пал в занесенную снегом бесконечность уличных просторов.

Свои дома закончились и, потихоньку, сбоку от него вырастали сначала четырнадцатизэтажки, потом девяти, а в конце пяти этажные здания. Приближался центр города.

Яркое круглое пятно приобретало форму прямоугольника. Оно возвышалось на горе, поэтому было хорошо видно в пределах всего города. Он подумал, хорошо было бы успеть туда до рассвета, пока все улицы подсвечиваются и не так много взрослых.

В центре города мальчик стал читать все подряд: афиши, рекламу, рекламу, рекламу, объявления, названия магазинов, аптек и других заведений, которыми были увешаны все первые этажи центральных зданий. Из ярко светящегося входа, где было написано «Город Грехов» стали выходить люди. Они вели себя очень странно, были в необычных не по сезону одеждах, кричали и громко смеялись ночи в лицо, когда кругом в домах за теплыми изнутри окнами спали люди.

Они пытались ловить такси, но машины старались не останавливаться возле них, не хотелось искать неприятностей с пьяными. Маленькому третьекласснику таксисты не должны отказывать, он ведь не кричит. Маселкин смело подошел к таксисту, что стоял недалеко от входа в «Город Грехов» и читал газету в машине, и постучал к нему в нагретое изнутри окошко.

– Тебе чего? Милостыню не подаю....

– Разве я похож на нищего? – Шокировал его мальчик. – Я хотел лишь спросить, как мне пройти к тому светящемуся прямоугольнику? – Он указал на свой мнимый компас уголком варежки.

– Куда? Вот к тому щиту, что ли? Садись, я довезу. А у тебя деньги есть?

– Нету. – Странно, на счет денег Маселкин не подумал перед выходом. – Денег нет, но я могу туда дойти пешком?

– О...! А говоришь, что не нищий.... К утру дойдешь. Это на выезде.

– На выезде куда? В Будущее? – Радостно спросил мальчик.

– На выезде в Старолесницкий район....

– А как туда пройти?

К машине в состоянии воздушности подошли взрослые парень и девушка.

– Шеф, свободен? Поехали! – Он отпихнул Маселкина назад, чтобы открыть перед дамой дверь.

– Серж, аккуратней, задавишь его еще. – Надменно произнесла дама.

– Тебе чего?! Иди отсюда! – Заметил он мальчика.

– Мне нужно узнать дорогу....

– Я сказал, иди...!

– Вы пьяны, что ли? Тогда успокойтесь и езжайте домой, спать. А меня не трогайте! – Водитель еще раз был шокирован мальчишеским спокойствием в разговоре со взрослыми.

– Ах ты, тварь.... – Он схватил своей длинной рукой пацана за шапку и резким швырком отбросил его к стенке напротив.

– Серж, – спокойным и усталым голосом говорила его дама в открытое окошко, – ну, сколько можно? Ребенка-то зачем? Курить будешь? – Может быть, он продолжил бы, но мальчик не поднимался. Он сел в машину на заднее сиденье, злостно хлопнул дверью, закурил и сказал.

– Поехали!

Водитель опустил боковое стекло и старался донести до мальчика:

– Парень, следуй за указателем на 261-ю трассу: на этом перекрестке налево, потом направо. – Он завел двигатель, и мальчик почти перестал его слышать издали, если вообще слышал.... – Увидишь знак, сворачивай опять направо, а дальше спросишь.... – И отъехал, оставив за собой теплые выхлопы криков и смеха из салона такси.

«Указатель? Направо, налево, потом налево, направо и там...? Что там? Это мы и узнаем!». Грубость здешних людей его не удивила, ведь только тут возможно такое грубиянство, он бы сказал «у нас в стране», но был только в третьем классе, поэтому сказал просто «тут». А в Будущем – все по-другому, люди другие, отношение другое ко всему и ко всем. Только бы дойти туда скорее, а то ноги стали жутко устывать....

Откуда он мог знать, что там лучше? Он и не знал, ему просто так хотелось. Вы же знаете, как бывают уперты третьеклассники. Маселкин потихоньку пришел в себя. Нос сопливил, глаза немного плакали, больше от обиды, но в целом он держался хорошо. Он снял свой портфель, достал оттуда часы, чтобы свериться со временем. Наверное, когда он упал на спину, то обо что-то ударился. Стрелки будильника застыли под треснувшим стеклом....

Дорога, по которой его направил водитель такси, казалась бесконечной. Начинало светать.... Улицы были почти одинаковы, людей не было видно, но светящийся прямоугольник действительно начал приближаться. Многоэтажные дома опять начали возвышаться над ним в пять, девять, а потом и в четырнадцать этажей. Снег больше не падал, но от этого не становилось теплее. Маселкин шел уже не так ретиво, руки были опущены вниз, сам он весь ссутулился, шаркал ногами и, по возможности, подбивал камушки вперед, как футбольный мяч. Яркий светящийся прямоугольный свет то исчезал за буграми дороги, то снова появлялся. Каждый последующий бугор казался последним, но за этим последним снова возникал бугор, а потом еще и еще....

По обе стороны от дороги перестали расти дома, все чаще стали встречаться деревья лесной местности, дикие кустарники, напоминающие белые запчасти снеговика, потому что полностью в снегу они приобретали форму ровных шаров. Все было практически монотонно одинаковым. Слева от дороги показались ржавые холмики какой-то руды, на них валялся мусор, было похоже на какую-то свалку, снег не полностью покрывал их. На холме что-то блестело. Он оставил сани на дороге, подошел поближе, чтобы посмотреть и увидел, что на горе мусорника лежит разбитое зеркальце. Мальчик взял его к себе в портфель. «Авось, в Будущем пригодится!». Вернувшись на дорогу, он попал на один из бугров, который был таким крутым и длинным, что, идя по нему, видно было только небо и ничего больше. Маселкин решил остановиться и отдохнуть.

Он согнулся и оперся ладонями на колени, перегнувшись через пояс. Легкое чувство выдоха прошло через уставшее тело. Дорога вверх, почему-то показалась ему непреодолимой, мальчик долго гипнотизировал ее. Его голова повернулась в обратную сторону, и там он увидел то же самое – вокруг него не было абсолютно ничего кроме снега и дороги, и реденьких деревьев по бокам, и ветра.... Но этого было мало для того, чтобы назвать это окружением. Стало скоростно светать, и картина абсолютного «ничего» проступила еще четче. Будущее....

Он знал, по крайней мере, он предполагал, предполагал даже своим маленьким мировоззрением третьеклассника, что дорога к будущему будет чертовски сложна и так непреодолима, как непреодолима сейчас. Значит, он был на верном пути. Хотелось идти вперед, не зная, будет ли еще один такой бугор или еще не один, хотелось идти к своему Будущему, предчувствия которого он ловил в волосах того ветра, который щекотал его нос своим скольжением мимо него. И он, подбодрившись этими мыслями, двинулся вперед.

Где-то на половине того крутого подъема Маселкин подумал о том, что подниматься вверх легче, если делаешь это ритмично и без санок, не сбивая дыхание, как учили на физ-

культуре. «А школа все-таки пригодилась», – подумал он, хотя Маселкин не очень любил физкультуру, потому что надо было всюду таскать за собой эту сменную одежду и обувь. Не смотря на это, физкультуру он не любил намного меньше, чем он не любил английский язык.

Издали слышалось легкое гудение приближающегося мотора. Оно было, как гул в его голове после целой ночи пешей ходьбы, он даже не сразу обратил на него внимание. Шум приближался, но Маселкин не думал поворачиваться назад, он не хотел сбивать свой ритм дыхания при столь усердном подъеме. Серый, забрызганный грязью еще осенью и замершей уже зимой, старенький автомобиль сбавил обороты при виде шагающего по трассе мальчика с рюкзаком. Жалость или простое любопытство, а может что-то большее, заставило водителя остановиться рядом с ним, ни сзади, ни спереди машин не было, и опустить переднее стекло.

– Тебе далеко? – Маселкин ему не отвечал.

Он продолжал идти, а машина начала медленно плестись за ним. На вид взрослый, серьезный и немного худой мужчина с не располагающей к себе внешностью, видимо, предлагал подвезти его. Ноги мальчика ужасно вымотались, но садиться в машину к незнакомому, плохо выбритому человеку было весьма опасно. Не то чтобы он не очень любил плохо выбритых мужчин, но они всегда у него ассоциировались с чем-то нехорошим.

– Да нет, спасибо. Мне тут... недалеко.

– А куда тебе?

– Мне-то? – «Вот же прицепился», – подумал мальчик. – На вершину бугра дойти и все.

– Ты там живешь что ли?

– Живу. – Старался он отвязаться от него. – С мамой и папой. Они меня встречают.

– Давай хоть до бугра довезу. Сани, небось, тяжелые. Я все равно не спешу.

– Я же говорю, спасибо, но не надо. – Становилось страшновато.

– Давай, садись. – Он резко остановил свою машину и вышел. Быстро направился к мальчику.

– Помогите!

Маселкин побежал в неистовом испуге. Усталость исчезла в миг, он пытался спасти санки с игрушками, как и себя, но на такой скорости их развернуло в бок и они обессилено перевернулись, на несколько секунд преградив путь солдатику и медведем гнавшимся за ним мужику. Даже они не в силах были защитить его. Он бросил веревку и побежал, как мог быстро, но вверх это оказалось намного сложнее, еще и по снегу. Мужик тревожно настигал его своими длинными несколько шагами. Маселкин кричал о помощи еще и еще, но вокруг были только деревья, дорога и ветер, который дул в обратную сторону.

– Помогите!!

Дыхание сбилось и уже не надеялось восстановиться обратно. Он был уже так близко, что мог бы схватить мальчика за капюшон. Маселкин не оборачивался, иначе он бы просто потерял свою и без того медленную скорость, он просто бежал с надеждой на то, что мужик споткнется или решит не трогать его.

– Помогите!!!

Крики и рев о помощи рождали слезы ужаса, они тут же замерзали на холодном ветру, но поверх них проступали новые. Он еще так мал, чтобы защищать себя и свое Будущее....

Где-то в воздухе внезапно раздался выстрел. Маселкин так испугался, что упал прямо на заснеженный асфальт и перестал шевелиться, лишь всхлипывая в рыданиях. «Зачем гнаться за мальчишкой, когда можно просто выстрелить в него? Я ранен.... Помогите....», – шептал он, как герой яростной схватки, пораженный нечестностью противника.

Буквально через минуту он опять услышал звук мотора вдали, только на этот раз звук стремительно удалялся. «Я слышу? Я жив?».

Он неуверенно отодвинул сдвинувшуюся шапку с головы и увидел краем глаза, что лежит на вершине того самого бугра, на который невозможно было взобраться. С него открывался замечательный вид на весь город, гаснущий ночными огнями, сменяющимися утренним пасмурным светом, таким далеким и уже чужим. Доведя свою панораму до конца, он увидел перед собой ни мужчину, ни молодого парня, средних лет, высокого роста, стоящего перед ним в военной телогрейке нараспашку и в тапочках на босу ногу. «Кто это?». В руках у него был пистолет, который, видимо, и стрелял. Маселкин остановил на нем свой пристальный взгляд, а потом поднял голову вверх, и увидел прямо над собой огромный яркий прямоугольный бело-снежно светящийся рекламный щит. Будущее....

Он быстро отыскал в портфеле англо-русский словарь, пролистал пару страниц, в то время как парень не переставал с удивлением смотреть на него.

– Hello. I am Маселкин, I was looking for the future and,...это самое..., and....

– Ты в порядке, парень?

«Да я, видимо, ушибся головой, когда падал.... Нет, я точно слышу! И он не иностранец.... А кто же он тогда...? Страшновато....»

– Я тебя, наверное, дико напугал?

Парень увидел, как мальчик остановил свой испуганный взгляд на его пистолете, а потом перевел его прямо в глаза с ужасающим вопросом.

– Не бойся, он сигнальный.... – Но мальчик также вопросительно смотрел. – В том смысле, что он просто звуком стреляет. Надеюсь, я все правильно сделал, что отпугнул его? Это ведь не твой отец был?

– У меня нет отца.... – Выдавил из себя Маселкин сквозь слезы.

– Я сначала подумал, ты не хочешь в школу идти, прогуливаешь или еще что, но потом на всякий случай стрельнул, а тот раз – и убежал.... Пойдем, я тебя чаем согрею.

И он направился к своей хижине, которая виднелась вдали перпендикулярного заснеженного проезда, покрытого зарослями худых зимних веток. Он продолжал что-то рассказывать.

– ...Вообще я не часто стреляю из него, он у меня так, на всякий случай, отвязанных злых собак пугать или еще что....

Маселкин перестал его слушать. На ярком прямоугольном светящемся щитке резко замигали все лампочки в предзнаменовании утра. Он отправился вслед за этим парнем. Не то, чтобы он сильно хотел чай, но это было намного лучше, чем мерзнуть на улице. Лампочки на ярком светящемся прямоугольнике потухли.... Будущее....

2

Все дорожки на подходе к дому были четко расчищены до самой земли и веерообразно посыпаны песком. Строгость и четкость движений была даже в походке парня, за которой Маселкин мог наблюдать со спины, следуя за ним. Но четкие и аккуратные дорожки привели их через сотню метров к старому обветшалому заросшему плющом забору, за которым был точно такой же дом. Калитка скрипнула, не от старости, а просто звуком приветствия единственному гостю за долгие годы. Маселкин с опаской оглядел двор на наличие собаки, но ничего не увидел, кроме зарослей и заснеженных, раскиданных повсюду дров.

– Не бойся, собаки у меня нет. – Сказал парень и открыл перед ним двери в дом рукой с перевернутыми на ней часами. – Заходи, а то холодно.

Он прошел через двор быстро, все еще не веря в отсутствие собаки, и детским прыжком шмыгнул в дом.

Внутри оказалось немного уютнее, чем снаружи. Простота комнат и мебели не бросалась в глаза – она являлась там хозяйкой, была своей особенно сформировавшейся частичкой, которая присутствовала во всем. В доме было очень чисто, поэтому Маселкин сразу же разулся, последовав примеру хозяина, но было неудобно проходить во внутрь дальше, чтобы не наследить. На его штанинах и коленях всюду висел грязный замерзший комками снег. Парень в телогрейке усмирил его приличие и пригласил пройти, мол, ничего страшного, чувствуй себя, как дома.

Маселкин сам не знал, почему он так сразу доверился этому парню, ни чуточку не боялся и чувствовал себя свободно с ним. В мыслях он окрестил его «солдатом» или каким-то военным, хотя по устройству двора этого нельзя было сказать. Он показался ему солдатом не только из-за военной телогрейки нараспашку и оружия, из которого тот стрелял, это чувство в нем возникло, когда он увидел дом изнутри. Тут было мало света, мало радости, мало мебели, всего два старых стула, стол и диван с кроватью и маленьким шкафом, небольшая кухня с деревянными скрипучими полами и металлическим старым чайником, из носика которого торчал черный свисток. Во всем этом чувствовалась не холостяцкая жизнь человека, а одинокое существование уединенного от шума военного уставника. Маселкин не мог это выразить словами, так как был только учеником третьего класса, он только чувствовал это. Как известно, одинокие люди очень добры и откровенны к тем, кому помогли по своей доброй воле.

Мальчик вынул из портфеля грязное зеркало с ручкой, половинка отражающего свойства которого отсутствовала после неровного диагонального раскола. Он стал разглядывать свое грязное засопливленное лицо. В правой верхней части лба была засохшая струйка крови, произрастающая из шишки.

– Туалет там, – сказал солдат, – можешь умыться, пока я заварю чай.

– Только положи больше сахара, пожалуйста.

Солдат слегка улыбнулся, вспоминая свое сахарное пристрастие в детстве. Он подкинул дров больше обычного в печку, и чайник закипел очень быстро, засвистев своим черным свистком от пламенных потрескиваний плиты.

Они сидели на скрипучих стульях за столом и отогревались, не говоря ни слова, производя лишь диалог своими жадными отсербываниями из горячих чашек. Мальчик сидел ближе к огню в одних подштанниках, а его брюки висели на веревке и шипяще оттаивали на раскаленную печку. В доме стало тепло и даже немного разморило в сон. Казалось, за окном был все тот же день того же числа, той же зимы. Время будто остановилось.... Наконец, солдат начал разговор в чувстве застывшей бесконечности:

– Как тебя сюда занесло-то? Тут людей и на машине не часто встретишь, только мусор вывозят, а ты тут пешком.

– Да, я из города пришел, ну тот, что видно с холма.

– Ты заблудился, или еще что?

– Нет. У меня и учебник географии с картами с собой, так что я не заблужусь. Мне еще долго идти.

– В школу?

– Да нет же. Я..., я кое-что искал.... Просто вышел и пошел на свет и пришел сюда. Оно, наверное, еще дальше.... Ну, то, что мне нужно. Тогда я немного отдохну и пойду. – Он поудобнее облокотился на спинку стула, закинув свои ноги на край сиденья.

– Значит, ты ушел из дома? – Мальчик кивнул ему согласием, не отрывая чашку от губ. – Знаешь, я ведь тоже... когда-то знал парня, который хотел так сделать и отправиться на поиски...., на поиски себя. Его звали Коля....

Он учился в обычной школе на окраине промышленного города, окна которой все время были обсажены пылью от выхлопов завода, расположенного прямо через загрязненный ставок. Из окон школы открывался вид на этот завод, и школьники представляли себя в роли рабочих этого металлического гиганта в будущем, а рабочие завода, из которого открывался вид на школу, с грустью вспоминали себя школьниками, представляющими себя рабочими завода.

Все было заиклено в этом маленьком районе на окраине города. Люди думали циклично, работали на одних и тех же местах, после своих родителей, жили в тех же домах, не строя новых. Можно было с легкостью предсказать будущее каждого жителя района, каждого школьника, каждого младенца, каждого будущего ребенка. Исключением из этого круговорота, наверное, был Коля, который возвращался из школы домой, разозленный на всех своих одноклассников и на самого себя.

– «Не понравилось» им, видите ли! «Не то!», «Не смешно!», «По телевизору увидел и записал или в газете, где прочитал!» или еще что. – Злостно произносило его воспоминание все то, что слышал он сам. – Подумаешь. Что они понимают? Буду я еще им свои рассказы читать, конечно! Не дождетесь! Да я такой рассказ напишу, что вы все еще пожалеете, что так говорили! Ну, ничего....

Коля вовсе не был самолюбивым человеком, ну, разве только чуточку, как и каждый из нас. Просто он очень расстроился из-за того, что его рассказ никто не оценил. Для него это было не просто хобби или увлечение, которое зародилось из блужданий по разбушевавшемуся воображению. Это все больше и больше становилось частью его существования. Он хотел создавать истории и чтобы людям они нравились. Если его просили рассказать какую-нибудь сказку, он тут же начинал ее выдумывать, взяв за основу, лишь один предмет. Когда в школе их просили написать сочинения на вольную тему без ограничений, то Коля исписал сорок восемь страниц своей тетради, без правок и зачеркиваний, включая обложку, которая была его единственным ограничением. Из-за нехватки бумаги, в конце своих завершенных сорока восьми листовых мыслей он поставил троеточие. Ему нравилось придумывать смешные случаи, якобы, из своей жизни, чтобы повеселить ребят в компании. Нравилось додумывать недосказанные кем-то истории. Нравилось ехать в автобусе и под однотонный звук двигателя представлять себя где-то далеко, спасая жизнь раненному на войне солдату, защищая честь и достоинство нравившейся ему девушке, совершая какой-то поступок, который струсил сделать другие. В общем, нравилось ему воображать и все!

От школы до дома было вовсе не далеко. За десять лет обучения он знал точное расстояние и время до секунд, ровное количество шагов и приблизительный список встречных прохожих утром и после школы на этом полюбившемся ему отрезочке.

Дома еще никого не было. Обычно в такое время возвращается мама, но она видимо задерживалась, покупая что-нибудь особенное к сегодняшней беседе. Им предстояло решить, что же Коле делать дальше, где учиться и куда бы он хотел поступать. Мама, конечно же, уже все за него решила, посоветовавшись со своими коллегами по работе, папа не принимал в этом

участия, но одобрял мамино решение. Это было неприятно, к тому же, все догадки были более чем очевидны. Свое мнение на этот счет Коля отложил до вечера, еще не зная, как его правильно изъяснить своим предкам.

Он кое-что затеял. Не осознавая того, что он делает, в ярком пылу негодования от мыслей о случившемся сегодня в школе, стал разжигать печку. Хотя уже была весна, и было тепло.... Сначала скомкал бумаги, потом положил на нее маленькие щепки, затем палки по больше, затем большие дрова. Его обида вспыхнула в печке ярким пламенем двойного листика в клеточку и прикрылась металлической створкой, а затем выдувалась открытым поддувалом в засмоленную трубу, давая понять соседям, что в доме кто-то есть. Холодный рассказ о Зиме горел очень жарко....

Ничего полезного до прихода родителей ему так и не удалось сделать. Коля маялся, ходил из угла в угол, палил дрова в печке, пытался взяться за ручку, но что-то не шло у него и все. Мысли были заняты какой-то неосознанной пустотой, всепоглощающей, она наводила на него чувство «ничего» и решительное «не знаю». В конце, он уместился в мягкое старое кресло и немного задремал. Сон был для него единственным выходом, чтобы отвлечься.

Когда он проснулся от легкого, не переставшего щекотания шепота его родителей, в большинстве мамино, они сидели напротив того самого кресла, где спал Коля, пили чай с тортом и поглядывали на их мальчика.

– Ой, мы тебя разбудили? – Спросила мама, улыбаясь и наливая ему чай тоже. – Сядешь с нами?

– Угу...

Сонный и еще не до конца осознающий окружающие вещи Коля переполз за стол и засопел ноздрями перед остывающим чаем. Мама переглянулась с отцом и хотела, было, начать, но отец вступил первый.

– Сынок,... ты уже взрослый парень. В этом году ты оканчиваешь школу, а через несколько недель у тебя экзамены и будущее, о котором следует хорошо подумать. – Он перевел взгляд на маму, как бы говоря ей: «У меня – все».

– Да, сынок, мы долго думали с папой.... И вспомнили, что ты ни разу не говорил нам, кем хочешь стать в будущем. – Разговор приобретал интересный поворот, подумалось Коле. – И, прежде чем ты решишь, ведь решать надо уже сейчас, времени осталось не много, мы хотим, чтобы ты хорошо подумал.

– Я думал.... – Сонным голосом сказал он.

– Да? Это хорошо, но ты, наверное, не учел некоторые детали. В следующем году на нашем заводе открывают новый цех. Там будут проводить металлургию цветных металлов, которой до этого не было. Это очень интересно! Ты можешь пойти учиться на инженера, и тогда тебе не придется быть простым рабочим, как твоим маме и папе.

– Мам,... раз я уже взрослый парень.... – Как бы это так, чтобы их не обидеть? – Нет. Давай так: вы с папой подумали и решили – это очень хорошо, что вы обо мне заботитесь. В душе, я не хочу вам перечить и понимаю ваш рационализм. Но, как и все наши ребята, я поступить не могу.... Я не хочу работать на заводе! – Напряженное молчание обоих вынудило его продолжать. – Я знаю, что вы сейчас скажите, что: «это в тебе детство играет...», или «другим ты себе на жизнь не заработаешь...», или «послушай нас, мы столько прожили в этой жизни...» или еще что. Но я знаю, чего я хочу. Я хочу стать... писателем!

Далее недопитый чай в чашке остывал уже без вмешиваний со стороны, а торт так и оставался недоеденным. Это был вовсе не скандал, так как в скандале обычно присутствует два не сходящихся мнения, а это была лекция о морали и нравов по сложному внешкольному предмету «жизнь». Коле оставалось только молчать и пытаться вставлять свои аргументы, кивать головой в ритм разносящихся строгостей со стороны мамы и грозно смотрящего отца. Отцу, в принципе, было все равно, потому что он знал, как поступить и чем все это закончится.

Может быть, Коле удалось бы их как-то переубедить, если бы он не сжег свой единственный аргумент, который начинался со слов «Зима...». «Не уже ли, рукописи все-таки горят...?». Боковым зрением он поглядывал на давно остывшую печку, осознавая, что даже это его бы не спасло – никто бы просто не стал его слушать. «Как уперты бывают родители...», – подумал он, – «Но ведь они хотят дать своему ребенку все самое лучшее! Да..., но, к сожалению, все самое лучшее для родителей не всегда является самым лучшим для их детей....».

Тем не менее, они разошлись по своим комнатам каждый со своим мнением. Ночь смирила их пыл, но не усыпила желание тянуть решение в свою сторону. Казалось бы, им всего лишь нужно время, чтобы подумать над его решением, успокоится, нужно было подождать до выходных и со спокойствием и обдуманностью еще раз сесть за стол переговоров, со свежим горячим чаем и недоеденным тортом. Поговорить нормально и все!

Две недели проходили быстро, а родители старались не поднимать более эту тему, что понемногу начинало тревожить Колю. Школьные экзамены он сдаст, с горем пополам, но сдаст. Его отметки не вызывали восторга у родителей, но, по их мнению, этого хватило бы для поступления по специальности «инженер». «Если они приняли мои соображения, почему же тогда никто не узнает, где можно выучиться на писателя? Какие отметки для этого нужны? Где находится учебное заведение? А если не приняли? Что если они вообще не хотят помогать мне с дальнейшим образованием? Просто решили, что я не буду получать высшее, а сразу после школы пойду на завод рабочим и буду, как они? Такое себе наказание, за мои капризы....».

«Но ведь это вовсе не капризы – это моя мечта, мое Будущее...! Как же им это понять...?». Вот так он маялся, пока делал вид, что готовится к экзаменам, сидя за своим столом, за которым в свободное время воплощал обиды в маленькие рассказы. Стопка этих наивных, слегка вымышленных и вымощенных воображением историй росла с каждым днем. Он даже выделил для них особое место возле настольной лампы, издающей особый подчеркивающий важность свет, аккуратно складывал, среди кучи беспорядочно разложенных учебников, ручек и помятых подготовительных конспектов.

Хоть он достаточно неважно учился, глупым назвать его было трудно, хотя иногда можно. Из всех выпускных экзаменов, в числе которых были: физика, химия, математика, язык, история и литература, лучше всего он сдал литературу. Она просто прожгла его изнутри и твердо дала понять, что никакие физические явления, никакие химические реакции, никакие подсчеты и правила и никакие исторические события не дадут ему такого умиротворения души, как литература. Она дала познания Коле во всем том, что он так долго спрашивал родителей и друзей, но те не могли объяснить. Она усилила его фантазию, развила воображение, каждый раз заставляла переживать новые эмоции и волнения. Он влюблялся в разные чувства и ощущения, полученные от чтения. Он представлял себе, а что если он был именно тем писателем в прошлой жизни? А как же иначе? Как можно было так точно написать о том, что происходит с ним именно сейчас, те точные мысли, которые были только у него. Но потом приходил новый писатель с новой книгой, и Коля представлял себя уже этим. Он писал стихи, но только когда хотел плакать или грустить, строки рождались сами по себе, никогда не выдумывались намеренно, он их лишь записывал, а потом преобразовывал в полные стихи или оставлял недописанными, где-то на клочках бумаги.

Коля уже ощущал предзнаменование своей будущей учебы в институте писателей. Он о таком, конечно, еще не слышал, но точно знал, что такой есть. Его сверстники с интересом спрашивали, куда он будет поступать и что делать дальше, но он увиливал от ответа, обещая их сильно удивить потом. Многие его одноклассники уже отмечали свои поступления, хвастались перед ним студенческими билетами и обсуждали девочек, с которыми им предстояло учиться. Но Коля относился к этому лишь с легкой возвышенной улыбкой, которая скрывала за собой тайну его студенческого билета, на котором красивым писательским почерком вскоре будет

написано: «Студент первого курса Писательского Института им. Льва Толстого или им. Антона Чехова».

Наконец, папа собрал все его документы в одну большую потертую заводскую папку, принесенную им с работы домой, и сказал, что можно ехать в институт. Они отправились туда нестерпимо ожидаемым утром следующего дня.

Институт оказался не так далеко, как предполагалось, всего в получасе езды на автобусе в сторону Южной Балки. Это было такое себе пустое место, окруженное деревьями и спальными микрорайонами, тишиной и легким привкусом студенчества. От остановки они шли минут десять, но эта прогулка даже показалась ему приятной, так как следовала через парк с вымощенными дорожками и выкрашенными в новый коричневый цвет старыми лавочками, которые прямо-таки настраивали на творческий процесс перед занятиями. Здание оказалось немного мрачноватым, хотя это была лишь боковая его сторона, кое-где на стенах рос мох и ссыхающийся плющ, а на старых деревянных окнах облупливалась краска еще со времен постройки. Проходя вдоль боковой стены по направлению к центральному входу за углом, Коля почувствовал, как от здания тянет холодом подвальной сырости и... знаниями. До того ему вдруг стало приятно ощущать себя здесь, что мысленно он уже был в аудитории и читал понимающей и знающей публике, не лишенной вкуса, свои маленькие рассказы или что-нибудь, что начиналось со слов «Зима...». «Да.... Зима....», – сладостно пульсировало и отдавалось эхом в его голове....

Но как только они вывернули из-за угла, Коля увидел над входом в центральный корпус надпись, гласящую: «Факультет инженерии цветных металлов», и вдруг обомлел....

– Как...? Сюда?!

– А что? – Без особого интереса спросил отец. – Мы же тебе говорили....

– Но я вам тоже говорил! Я не хочу работать на заводе! Я не буду инженером! – Коля встал, как вкопанный, перестав идти вровень с отцом.

– Ну, мало ли что ты хочешь.... Идем.

– Нет. – Отец остановился и посмотрел на него через плечо своим серьезным взглядом.

– Если ты не хочешь учиться тут, то ты нигде не будешь учиться. Ясно?

– Ясно. Тогда поехали обратно, домой.

– Послушай, – немного мягче произнес он, развернувшись к нему лицом, – я не хочу, чтобы мой сын был без образования. Мы даем тебе дорогу в жизнь, в твоё будущее, которое в твоём сознании пока что очень размыто и сказочно. Но жизнь вовсе не такая, как ты себе её представляешь в своих мечтах, она вот такая. – И он показал рукой на здание позади себя. – С этим образованием мы тебе сможем помочь, а когда выучишься, начнешь работать, тогда заработаешь себе сам на то образование, которое тебе по нраву. Уж после учись хоть на писателя, хоть на сказочника. Ясно?

Обидно? Да. Печально? Ещё бы.... В самом начале его придуманного светлого пути вездесущая действительность показала ему только один путь развития событий, его бунт был бы подавлен или остался бы незамеченным. Коля только окончил школу, он ещё не успел сделаться самостоятельным для того, чтобы ещё раз уйти из дома в поисках кажущегося ему Будущего, такого, которого он хотел. Поэтому все, что он мог ответить, было: «Яснее некуда....», – негромко, невнятно, даже почти не самому себе.

Холодное здание втянуло в себя ещё одну жертву цикличности и предсказуемости маленького индустриального городка, протянув ему студенческий билет, на котором обычным жирным почерком было написано: «Студент дневного отделения Факультета инженерии цветных металлов Николай Маселкин»....

3

Молодость с разбега пробивала все правила в этом устоявшемся времени строе инженерского дела. Если бы кто-нибудь, глядя на этих ребят, сказал, что они будущие инженеры, то этот кто-нибудь, наверное, получил бы хороший пинок или пощечину за такую нахальную ложь и издевательство над серьезной профессией. Но это было действительно так. Молодые, несерьезные, растрепанные безалаберностью к внешнему виду ребята с протертыми до ниток манжетами и еще со школьными портфелями или дерматиновыми папками окружали мрачное старое здание факультета. Преподаватели этого института, честно говоря, тоже мало чем отличались своим внешним видом от студентов. Они носили старые костюмы, редко причесывались, громко сморкались в серые от времени и стирки носовые платки и, если бы не их возраст и огромный запас знаний, то их с легкостью можно было бы перепутать с одичалыми от свободы родительского контроля первокурсниками.

Перед самым началом занятий центральный вход, около которого располагалось четыре покосившиеся лавочки, окутывался в густой туман утреннего перекура. Из-за этого, название факультета в такое время было видно только с шагового расстояния, подходящего лишь для игры в дартс. Коля недовольно стоял у крыльца в этом сизом дыму, ожидая звонка, не зная даже, что и подумать о предстоящих лекциях, практиках или еще что. Парни, стоящие недалеко от него и курящие в две руки, поочередно вынимая сигарету то одной, то другой рукой, уже откуда-то знали друг друга, болтали, шутили и рассказывали истории о своих летних интригах и кутежах. «Вот бы кого-нибудь удивить своими историями.... Как они, интересно, познакомились? Где?», – проскальзывало с легкой завистью у него в голове. «Может быть, они вместе с самой школы решили поступать сюда по наставлениям своих родителей, вот и все. Это ведь просто, с самого начала своих школьных дней их родители знали, где будут учиться их дети. Они только ждали открытия нового цеха. Но, почему же тогда тут нет никого из моей школы, которая находится ближе всех остальных к нашему заводу...?».

– Закурить не будет? – Спросил его худощавый парень где-то из-за спины.

– Не курю....

– А..., я тоже. Вот просто подумал, может у тебя есть, так бы начал.

– А ты у тех ребят спроси, видишь, что вон там стоят, курят.

– Не.... – Презрительно сказал худощавый. – Вася и Никита не дадут. Они из этих, из «элиты»! – И на слове «элита» он важно вытянул губы вниз.

– Так ты их знаешь?

Но парня уже не оказалось рядом. Он спросил закурить у кого-то другого в стороне, и уже по-дружески общался с ним. «Элита».... «Да разве на таком факультете вообще может быть „элита“? Это же не Юридический или Экономический факультет, это место, откуда выйдут такие же рабочие завода в грязных робах, но с немного большими знаниями для контролирования процессов, а не парни в шелковых костюмчиках с нежными ручками». Разделения присутствовали абсолютно везде, даже здесь. Хуже становилось от того, что с этими людьми придется учиться тому, что тебе не по душе, тому, что является всего лишь проходной ступенью к ожидаемому Будущему.... Нужно было просто пройти эту ступень и все.

Занятия проходили не так сложно, как все его запугивали. Поначалу, даже казалось все, как в школе, только намного проще, менее строго и более организованно. Преподаватели не делали замечания опоздавшим, не спрашивали домашнее задание, равнодушно относились к твоей болтовне на задней парте и не конспектированию. Чем тебе не рай? Аудитории были достаточно большими и просторными для того, чтобы тебя вообще, если нужно, не заметили отсутствующим на паре. До сессии еще было очень далеко, а в это время можно было заниматься своим любимым делом – писать.

За большим окном аудитории танцевали деревья под музыку сильного осеннего ветра. Падали листья, и сухие желтые, и еще совсем молодые зеленые. Внутри здания было тихо, поэтому казалось, что все происходит абсолютно беззвучно. Улица пестрила этими аппликациями, будоража красивые мгновения мечтаний.... На соседней с входом лавочке сидел какой-то парень в капюшоне. Коля открыл свою тетрадь.

«Осенние листья заволокли всю землю. Люди ходили по ней и шаркали ботинками, представляя, как уже совсем скоро будут точно также шелестеть снегом. Далекий голос ветра напоминал об этом каждый день. Чувствовалась неизбежность....

На одной из миллиона лавочек под деревьями сидел далекий странник, облачившись в глубокий капюшон, скрывающий его лицо. Перед ним безостановочно сыпались листья, покрывая его осенними мыслями.

– Какую чуткость. Какое благонравие проявляет человек, увидев столь разноцветную яркость.... Такие вещи у всех невольно ассоциируются только с одним словом – осень! «Какая красивая нынче осень», – может заметить человек в начале ноября. Но осень всегда красивая и в этом году и в прошлом и в будущем. Не одинаково красива для всех, но красива. Красива ли она для меня...?

Я позволю заметить такую вещь: «в человеке должно быть все прекрасно: и душа и тело и даже мысли», – дал нам однажды классик. Так вот, человек должен всегда и везде выглядеть красиво. У него должен быть опрятный вид, гордая осанка, чистые движения, красивый взгляд и... лицо. Когда человек имеет такой вид, он духовно предрасположен к красоте. Именно тогда-то он и может заметить всю необычность красоты, красоты вокруг себя. Конечно же, здесь необходима духовная воспитанность, иначе увидев себя таким красивым можно не иначе как влюбиться в самого себя, тем самым понизив всех и все окружающее тебя до ничтожного. Такая болезнь не редкость, особенно теперь. Тем же, кто не в силах быть красивым, остается только любить красоту сильнее, чем кто-либо другой. И вот когда ты чувствуешь этот прилив красоты, который через мгновение обрушится на тебя, потому что подул прохладный ветер, то поднимаешь свою голову вверх и....

Огромным потоком ссохшегося дождя на него полетела осень. Она мягко стучалась о плечи, лавочку и ложилась отдохнуть на похолодевший асфальт. Странник вскинул свои руки вверх навстречу каждому листику, пытаясь обнять и прижать осень к себе.

– ... Ты радуешься каждому летящему тебе навстречу озорнику! Вот этому, бордово-красному, который покраснел от стеснения. Вот этому, желтому, который похож на зеркальце. Вот этому, маленькому и вот этому, большому. Даже вот этому, сухому и скрюченному, что не характерно для его прекрасности, но и он тебя улыбает и радует своей красотой.... Как, же это красиво...! В этот момент сотни фотографов-любителей схватили свои аппараты и побежали творить воспоминания на бумаге. А девушки подбегают к ним лишь с одной целью, чтобы их запечатлели с горсткой листьев в руках, по окончании съемки которую они выбросят так же бездумно, как и насобирали ее.... А молодых людей, да и в возрасте тоже, вынужденных работать – это утешает. Если бы они топтали сухой горячий асфальт, то их ботинки выбивали смертный приговор сроком на восемь/десять трудовых часов. А так это нежное шуршание заставляет отвлечься, а листья вздымаемые сапогом напоминают салюты, которые голосят об их шествии....

Как же после этого всего можно сказать, что эта красота чужда? Значит, раз всем красиво, то и люди у нас красивые. Все-все! Все без исключения. Но порой это бывает не так, потому что одни любят красоту больше, а другие меньше. Так что же это, получается что некоторые красивее, а некоторые... не красивее? Так ведь не бывает! Бывает.... Именно поэтому я люблю красоту осени больше чем другие....

Странник скинул свой ширмовый капюшон и отдал всего себя осени.... Через все его лицо проходило огромное фиолетовое родимое пятно, из-за которого нельзя было разобрать,

красив он под ним или нет. Родимое пятно формой напоминало один из тех ссохшихся и скрюченных листиков, которым характерна только прекрасность....

Он снял с плеча желтого обездвиженного мотылька, спустившегося с уставшего тополя, и направился дальше в свое странствие, прокручивая листик за ножку, то в одну, то в другую сторону, под каждый свой миллионный шаг под каждым миллионным деревом....», – написал Коля в своей тетрадке для конспектов по химии и закрыл ее, потому как почувствовал чей-то пристальный взгляд на своем лице.

Свои записи Коля старался тщательно прятать от любопытных посторонних глаз. Глаза, которые смотрели на него в этот раз, оказались глазами одной единственной девушки в их группе, поступившей сюда, не пойми из каких целей. Явно же, что факультет создавался для мальчиков – инженеров, которые способны работать в грязной одежде с применением множества ругательств, если что идет не так, или с теми же ругательствами, когда все идет очень хорошо. Но девушка в их сознании не укладывалась в этой роли. Когда на самом первом занятии преподаватель знакомился с группой, пофамильно приглашая всех вставать, то, прочитав женскую фамилию про себя, сильно рассмеялся, а вслед за ним подхватил и весь студенческий поток, не зная пока, чем он так развеселен.

– Ба..., Ба..., – пытался он произнести ее фамилию сквозь смех, – Барина! – Аудитория взорвалась, но вскоре смолкла, увидев, что встала девушка.

– Я.

– Анна.... Барина.... – Уже спокойным тоном повторил он. – Что же вас привело сюда? Она встала и спокойно начала отвечать.

– Как и все, хочу быть инженером. А что?

– Да, жениха пришла себе искать. – Выкрикнул кто-то сзади, вызвав смех у толпы.

– Конечно, такого как ты всю жизнь искала, чумазого.

– Трудно вам придется тут, барышня....

Она не была особенно красивой, ничего особенного, простое лицо, простая фигура, обыкновенные русые волосы, прыщики кое-где на щеках и висках, но в ее глазах не было ни крупинки страха перед мужественным неженским делом, и это делало ее привлекательной в глазах других. Именно эти глаза смотрели на него все чаще и чаще, когда он что-либо писал отстраненное от конспекта. Странно....

Буквально через месяц Маселкин узнал, что на факультете учатся около семидесяти процентов студентов, приехавших из других маленьких городов. Все они жили в общежитии неподалеку. Для этих ребят инженерия металлов не была той темой, которую они хотели изучать с самого детства, стать инженером не было их мечтой, но поступив сюда, у них был хороший шанс уехать из отдаленных уголков области, где царит нищета и апатия, необразованность и явные признаки алкоголизма большинства жителей, подпитуемые всеобщим увяданием. Пусть даже на время, на четыре, пять лет, а потом, возможно, они смогут остаться тут, в городе, работая на этом самом заводе, и это и будет их исполнением заветной мечты. «В том-то и странность, что для них этот институт – единственный шанс выбиться в люди, в то время как для меня это всего лишь проходная ступень, за которую многие отдали бы состояние, а для меня все равно это какая-то ненужная часть, которую со временем я отброшу, как ракета отбрасывает отсек, который довел ее до нужной высоты...».

Еще через месяц, Маселкин познакомился и с тем парнем, который спрашивал его закурить и с теми двумя, Васей и Никитой, из «элитарного» клуба, еще с несколькими ребятами, с которыми перекидывался словами во время беседы, пил пиво после пар, сидел возле крыльца во время перекуров. Ему не терпелось впечатлить всех своих знакомых, рассказав им о своем увлечении, продемонстрировать свой талант и заявить, что он тут только так, по случаю получения путевки в иное творческое будущее. Ничего особенного эти ребята для него не представляли, так, просто знакомые. Единственный, с кем он не успел познакомиться, была та самая

Аня Барина, которая странным образом попала под влияние Васи и Никиты: с ними общалась, с ними курила, с ними уходила домой. Что она в них нашла?

Да, с первого месяца обучения все начали курить, даже Маселкин. Такое себе, что ли, удостоверение инженера. После этого знакомых стало намного больше. Одним из таких познакомившихся с ним за процессом курения парнем стал Ваня Ниточкин. Он был очень веселым, постоянно шутил и озвучивал пересказанные им диалоги разными голосами, как бы играя сценку из небольшого театрального представления. Сам он со своих шуток не смеялся, как это часто делали другие: шутили и сразу же смеялись вслед, пытаясь показать, что пошутили смешно. Ваня всегда, когда шутил, делал вид, что это просто комментарий, а другие умирали со смеху. Но с другой стороны, когда шутил кто-либо другой, даже не очень смешно, он раздавался громким заразительным смехом. Так что его не сложно было найти среди общего шума толпящихся сокурсников.

У него было очень светлое лицо, почти белое, желтые, переходящие в рыжий цвет волосы, длинные руки, которыми он часто плавно размахивал во время повествований, и была желанная мечта... Ваня еще со школы хотел стать актером. Во всех школьных актерских кружках, во всех дешевых городских актерских мастер-классах того времени, даже в малобюджетном районном театре он был легко узнаваем и радужно принимаем, так как все свое свободное время разрывался среди них, посещая и играя там и тут. Конечно же, он видел свою будущую карьеру не только в театре, а и в кино, которое становилось на твердую ногу благодаря Голливудской монополизации умов всего молодого поколения.

В театре, который действовал за счет добровольных взносов редких посетителей, Ваня меньше всего уважал своих наставников. Они любили его за ранний талант, но ругали за неорганизованность, которой он придавался подчас загулов со своими друзьями, еще больше хваливших его талант. Преподаватели видели в нем студента, как минимум актерской академии столицы, выпустившей немало телевизионных и театральных звезд, а как максимум уже будущего народного артиста. Но во время каждого очередного загула, про Ниточкина забывали, отдавая его роли другим актерам, менее способным, но присутствующим регулярно. Ваня не падал духом из-за этого и отправлялся в другой кружок, где был так же узнаваем и радужно принимаем, как и в театре. А уже там история снова повторялась....

С одной стороны, его мечта была сильнее любых кутежей, и он мог с легкостью углубиться в творческую работу, отметив в воздухе где-то вдалеке красным маркером свой будущий путь и просто идти к нему. Ничто не мешало ему развивать свой талант, радовать театральных наставников дисциплиной и игрой, регулярно участвовать в спектаклях и даже учить других желающих добровольцев на мастер-классах, пока он учился в школе. Однако, с другой стороны, он прекрасно знал, что в его положении и положении его семьи есть препятствие, из-за которого, возможно, он и придавался этим отчаянным загулам со своими однодневными друзьями.

– Что за препятствия? – Спросил его Маселкин, когда Ваня поведал ему свою историю.

Они сидели после занятий в небольшом кафе на улице, недалеко от корпуса, пили пиво в честь предстоящего празднования Дня Инженера. За маленьким столом сидело человек восемь, но после первой бутылки освежающего, все разбились по парам и продолжали разговор на отличные друг от друга темы. В основном на счет учебы, девушек или других ребят, обсуждая их поведение и поступки. Так получилось, что Ваня разговорился с Колей в своей маленькой компании о мечтах, которые жили в обоих со страшной силой. Им обоим было, что сказать в тот день.

– Средства.... – Сказал он сквозь дым своей дешевой сигареты. – Мои родители не богатые люди, они бы ни за что не смогли оплатить мне обучение в актерской академии. Я даже не стал просить их об этом, и так было ясно. Отцу через пару лет выходить на пенсию. Да, он намного старше мамы. И мне надо будет помогать им. – Коля ничего не говорил, просто

слушал, боясь оборвать его. – А где можно будет зарабатывать в ближайшее время? Пуить.... – И он показал пальцем на приблизительное местонахождение завода. – Так что либо деньги, либо ничего....

– Да.... Но ведь ты можешь работать после окончания, а в это время получать второе образование, актерское.

– О! – Рассмеялся Ваня, как обычной реакцией на шутку. – Именно так и будет....

– Чего ты смеешься?! Я лично так и буду делать. Мои родители тоже не могут позволить себе оплачивать ту специальность, которой я хочу учиться, но мы договорились, что когда окончу, я пойду на свои заработанные средства туда, куда сам захочу.

– Надо мыслить трезво. И я понимаю, что актерством сильно не заработаешь. А кушать-то хочется.... И куда же ты пойдешь? – С легкой насмешкой спросил он после небольшой паузы.

– На писательский факультет. – Сразу же последовал взрывной смех Вани. – Ты чего?!

– Да.... та... такого даже и нет! – Продолжал он смеяться.

Маселкин обиженно взял свое пиво и просто решил не спорить, боясь поругаться.

– Ну, ладно не обижайся. Есть такой, только, мне кажется, по-другому называется, «Сценарный», что ли.... Вот что я тебе скажу, бросай ты эту затею.

– Ты что рехнулся?! Это мечта всей моей жизни!

– Может, так оно и есть, только не будешь ты потом учиться, если сразу не пошел....

– Но родите ли же.... Мы договорились, что....

– Родители твои так сказали, просто, чтобы ты поступил сюда, а иначе сам знаешь, что бывает с теми, кто после школы никуда не поступает.... – И в ответ на свой риторический вопрос, Ваня приложил руку к воображаемому козырьку, отдавая честь, как это принято у солдат. – Армия, друг мой.

– То есть, ты хочешь сказать, что они меня провели?

– Не знаю, Коля. Дело не мое. Но скажу тебе так: если сразу не поступил туда, куда хотел – все, считай что пропало...!

Почему-то после этих слов он залпом допил половину бутылки своего третьего пива, а потом нырнул внутрь кафе еще за одним, оставив Колю наедине со своими размышлениями. Другие не слышали их разговора, не вмешивались, хотя даже если бы и слышали, ничего дельного не сказали бы. «Такой себе народец нынче пошел, ничего им не надо, ничего им не интересно, нет у них мечтаний.... А Ваню жалко. Он продал свою мечту ради денег, хотя не по своим принуждениям, но продал. Он сам прекрасно понимал, что никогда уже не станет актером, он сдался. А этим вообще все равно....», – он оглядел своих знакомых по кругу: «Вот такой себе народец окружает нас, – думал Маселкин, – посредственный....».

Через минуту Ваня вернулся из кафе, принес с собой вместо пива маленькую бутылку водки.

– Будешь? – Печально, как Гамлет предложил он и, не дожидаясь ответа, стал пить сам, строя планы на будущий вечер или разрушая остатки прошлого....

День Инженера не праздновался как-то по-особенному. Выпивания, концерт в актовом зале, организованный показушниками и заводилами факультета с использованием устарелых вьевшихся шуток про изыяны и странности преподавателей, а потом дискотека. На концерт Коля не хотел идти, он и так знал, что ничего смешного там не будет, основываясь на знании тех ребят, которые его делали. Пару тройку парней вечно шумящие, думающие, что они смешнее и талантливее всех на курсе, постоянно выдумывающие какой-то бред, который усердно репетировали и в конечном итоге, они разочарованно вздыхали над очередными фиаско. Но больше всего Коле не нравилось то, что они считали себя творческими людьми, которые выставляют свое творчество на показ перед, как им казалось, необразованными и серыми заучками-инженерами, пришедшие сюда, в принципе, только лишь за знаниями заводского дела. Маселкин

идти не хотел, но пошел, увидев, что в актовый зал пришла и Аня Баринова, та, которая смотрела на него на парах. Он не знал, с какой целью она это делала, но интуитивно надеялся, что лишь с одной – из-за симпатии.

Это было довольно глупо, так как единственной девушке на их потоке, мужского внимания хватало сполна. Ей постоянно предлагали проводить домой или сходить поужинать, помогали с контрольными заданиями и даже преподаватели относились с теплом, привыкнув к ней, как к единственной девушке-инженеру. К тому же, она постоянно водилась с этими ребятами, Васей и Никитой, которые сладостно придавали ей статус особенной девицы, окруженной двумя такими бриллиантами. Что же она в них нашла?

Концерт выдался, в общем, не очень, даже хуже прошлогоднего, как обычно сказали бы старшекурсники. Преподаватели были довольны, они выходили из зала, улыбаясь легкому простому и изредка пошлему юмору о себе и студентах в целом, они всегда остаются довольными, так как это был их, пожалуй, единственный день для культурно-продвинутой жизни, досуга и возможности официально пригубить немного спиртного после занятий со своими коллегами.

Студенты разбредались по разным местам: кто-то шел дальше пить, кто-то уныло направлялся в общежитие отмечать День Инженера сном, многие собирались идти на дискотеку, на которой будет куча народа, включая девушек с других факультетов, присоединяющихся к такого рода праздникам каждый раз. Маселкин не видел Аню после того, как она вошла в зал, как-будто ее поглотила тень толпы, кучкующейся в неосвещенном помещении гардеробного характера, но он встретил ее на выходе после концерта.

Она шла немного на веселе, с обеих сторон держа под ручку своих опекунов из состава элиты. Она была красивее обычного в тот вечер, с ярким макияжем, налакированной прической и в длинных серьгах, шла везде элегантно, не спеша, не как обычно на пары. В ее часто до этого смотревших на него глазах даже в такой темноте можно было заметить безмятежность и удовольствие от восхищающихся ею взглядов прохожих.

Да, Коля тоже ей восхищался, как, наверное, еще не восхищался никем. Каждого короткого взгляда на нее было мало, хотелось любоваться ею еще и еще, хотелось дышать ее воздухом, когда она проходит мимо, хотелось наконец-то с ней пусть даже неуклюже, но разговаривать.

Они втроем болтали о чем-то пустом, но веселом, а она хохотала, то ли от шуток, то ли от легкого воздушного алкогольного опьянения, то ли от новой себя. Среди кучи народа, проходящего мимо них, Аня не узнала бы даже собственную маму, если бы та присутствовала там. Было темно, шумно и хотелось поскорее спуститься по ступеням вниз и вырваться из этой все-окружающей болтовни людей. Она его не заметила, а Маселкин просто провожал ее взглядом, понимая при этом, что ее частые осматривания его на парах были ни что иное как «ничего» или «просто так», задержанный взгляд на чуде, который не ведет конспект на лекциях, а пишет что-то в свою тетрадь, задумчиво глядя в окно.

От такого даже расхотелось куда-либо идти. Коля решил, что поедет домой, тем более, что никто из его друзей, точнее говоря знакомых, не звал его в свою компанию, а Ване Ниточкину уже будет все равно, кто будет тащить его пьяным домой. У обочины, по которой Коля направлялся на остановку, отозвалась сигналом на ключ черная машина. «А, это же машина Никиты, папин подарок к удачному поступлению», – заметил про себя Маселкин и, стараясь не смотреть в его сторону, проходил мимо. Никита элегантно подкатил к задней двери и открыл ее для Ани.

– Нет, ребята, я не поеду на дискотеку, я домой. – Устало сказала она.

– Да, ладно тебе! Мы тоже не поедem на дискотеку. У Никиты есть другое предложение. – Вася говорил мягко и вежливо, провожая ее за талию к двери.

– Какое «предложение»?

– Увидишь, – предлагая ей сесть в машину, сказал Никита, – это будет сюрприз.

– Нет, ребята, я лучше домой. – Все также безынтересно сказала она.

– Ну, ты чего? Поехали, говорю.

– Отпусти меня! – Крикнула она Васе. – Я сказала, что никуда не поеду! Отвезите меня домой или я сама!

– Поехали! – Уже с небольшой силой толкал ее Вася в машину, но все тем же уверенным тоном, не давая вырваться.

Коля не хотел вмешиваться, но когда он почувствовал, что что-то идее не так, он остановился, а потом направился к ним.

– Эй! – Громко произнес он. – Вы что делаете?! Отпустите ее!

– Кто это там? А, это ты Масло. Тебе чего надо? Иди, куда шел.

– Она не хочет с вами ехать, а значит не поедет.

– Тебе что, скучно?! Вали отсюда, герой!

– Аня, – обратился Коля к ней, – не слушай их, уезжай домой. Если надо я им обоим врежу. – И он стал засучивать свои рукава, готовясь к неровной драке.

Что будет потом, он не думал. Они были сыновьями каких-то богачей, которые могут сделать кучу неприятностей, к тому же их было двое, а он один, причем слабее и хуже на порядок, хоть и выше. Но защита девушки для него было первоочередной задачей, которую нужно было выполнить, чтобы не потерять свою честь. Коля был уже в двух метрах от них, так что можно было прыгнуть или начать разгоняться для удара. Он решил, что со следующего шага начнет кричать, это сильнее их напугает, а потом резко ударит, и вот он шаг!

– Коля! – «Она знает мое имя! Знает его! Я иду к тебе, Аня...!» – Тебе что нужно? Ты что, пьяный? – Неожиданно обратилась Аня к нему, Маселкин остановился и окаменел. – Чего шумишь?

– Пойдем, Аня, я не дам им тебя затащить в машину!

– Что?! Кому не дашь? Моим друзьям? Ты ненормальный? Мы шутим просто, а с тобой я бы точно никуда не поехала. Шел бы ты домой. Поехали мальчики, не стоит его трогать.

Парни рассмеялись ему в лицо, сели в машину и уехали, дав хороший старт с пробуксовкой под пьяную руку. Маселкин ничего не мог сказать ни вслух, ни про себя, просто стоял в оцепенении, удивляясь странности женской натуры. Вот он рыцарь, пришел ей на помощь, чтобы освободить ее от обидчиков, а она его отвергла, да еще и поехала с ними. Странно...

На следующее утро на парах появилась только половина студентов. Коля с задумчивым видом писал свой очередной рассказ, грустно глядя в окно. Теперь он не чувствовал никакого постороннего взгляда, ни чьих пристально смотрящих глаз. Аня не пришла... У него не было повода волноваться за нее, ведь она сама выбрала остаться с теми ребятами, которых, кстати, тоже не было. Ничего особенного он к ней не испытывал, кроме чувства непонимания, которое он бы вполне удовлетворил, если б смог поговорить с ней наедине. Но ее не было, и она, скорее всего, не стала бы с ним говорить, сказала бы что некогда или еще что.

Впервые у него не получалось написать даже первую строчку своего рассказа, от которой часто и строилась вся идея. Что-то было не так... «Сосредоточиться. Профессор, помолчи, а? Отвлекаешь же! Со своими сопряжениями металлов...». На секунду ему показалось, что сегодня ничего уже не выйдет, но это не расстроило его так, как мысль, которая вдруг возникла: «А что если я писал только в то время, когда она на меня смотрела...? Я ведь не видел этого, только иногда замечал, а она, возможно, смотрела все время... Через свои красивые глаза она посылала мне свои мысли, а я их записывал, принимая за свои. Где же она...?». К чувству непонимания добавилось еще и чувство одиночества и тоски, желание общения с ней, и ревности. Ревности?! Откуда? Она же просто моя сокурсница, которая вчера отказалась от моей помощи. Просто сокурсница...

Так прошла неделя. Маселкин не прикасался к своей тетрадке, ожидая ее появления еще у входа в корпус каждое утро. Он приезжал раньше, немного мерз, курил и протапывал

дорожки по засохшей траве возле лавочек. А ее все не было, и даже в середине дня она не появлялась. Вася и Никита возвратились к учебе, как ни в чем не бывало, продолжая смеяться и лихо обсуждать свои похождения на курилке. Складывалось такое чувство, что Ани никогда и не было с ними вообще. Маселкин спрашивал своих друзей, не видел ли кто Баринову, где она пропала, а то у нее был его конспект по физике..., или еще что-нибудь в таком роде в виде предложения спросить о ней.

– Кто? Аня? У нас что, девочки были? Почему не познакомил?

– Да нет, я...

– Ты рехнулся, парень?! Как девушка будет на инженера учиться?

«Лучше справиться в деканате, а то и правда похоже, что никакой Ани никогда не существовало.»

– Баринова.... Баринова.... – Проговаривал про себя и вслух методист, листая списки студентов. – А! Так она документы забрала на прошлой неделе, говорит, «не тяну, тяжело...».

Пауза произошла и в разговоре и в моих мыслях. Я не думал, что она так может меня интересовать, а тем более, когда она уйдет.... Причем, как она ушла? Никто даже и не заметил. Многие подумали, что она была миражем, иллюзией невозможного – девушка-инженер. Все-таки не по своей воле она ушла, я так чувствую, но Вася и Никита в любом случае не откроют мне правду, а только будут насмехаться....

Я пришел домой, ошарашенный этой мыслью.... Я? Постой. Я?! После того, как она ушла из Моей истории, откуда-то неожиданно вдруг появилось это «Я», как-будто я действительно поверил, что это ее глаза передавали мне мысли, когда я писал. Но уйдя, не попрощавшись, ее глаза оставили маленькую заметку: «теперь не я буду посылать тебе мысли, а ты сам. Я – теперь ты, а ты – я!». Долго сидел, не двигаясь, смотрясь в зеркало с ручкой, половинка отражающего свойства которого отсутствовала после неровного диагонального раскола. Не было ничего вокруг, только темнеющее окно и мысли обо всем, об этом и все. Когда совсем стемнело, я одним привычным движением на ощупь включил настольную лампу и стал писать. Я – вернулся!

Она ушла, но все можно было исправить в рассказе, в истории, которая однажды сбудется....!

4

Не было дождя, не было пасмурной погоды, которой так не хватало в сопровождение того настроения, которое душило изнутри. Какое-то не сходжение.... Почему вообще дождь идет только тогда, когда случается что-то плохое? Почему он не идет просто так, просто аплодируя земле за хорошее поведение? Хотя плохое и случилось, дождя все рано не намеревалось. Еще не было холодно, хотя обычно в такое время года на улицах уже лежит снег. Я шел по проселочной дороге своего района пред зимними экзаменами. Это должны были быть первые в своем роде испытания того, насколько сильно ты хочешь учиться дальше. Предметы казались не сложными до тех пор, пока я сидел на прах и слушал, но когда возвращался домой и перечитывал изредка конспектируемый материал, то все становилось набором утерянных в памяти символов, не имеющих смысл. Но пытаться стоило. За час до прогулки я открыл тетрадь по стереохимии и начал читать:

«... Таким образом, Компоненты «А» присоединяют молекулы «Б» и образуют металлическую связь посредством лишних свободных орбиталей. В сферическом представлении вы можете видеть, как сильно пространственная структура отличается от схематической. Но главное в распознавании истинной структуры, это иметь воображение, и представлять себе модель в голове. Главным композитом в этом соединении является (далее небольшой пропуск) ... А что является главным композитом соединения этих двух молодых людей? Кто они? (по всей видимости, я записал то, что увидел в окне во время лекции, пропустив важный материал стереохимии).

Студенты, но не нашего отделения. За толстым стеклом окна они кажутся на свободе, сбежавшими с пар влюбленными, а я будто смотрю на их свободу из тюремной камеры, мне до них нет никакого дела, но на самом деле они интересны мне. Они жеманно обнимаются, стесняясь друг друга поцеловать, хотя это вызвано не моим наблюдением сзади. Они сидели спиной к окну, из которого я их видел, и если бы заметили стороннего наблюдателя в их интимном процессе, то наверняка бы перестали даже обниматься и вскорости ушли. Я старался смотреть туда редко, чтобы не спугнуть их, как внезапно прилетевших птиц. Они оба играли глазами, договаривая ими недосказанное, любезно хлопали по коленям ладонью, в приступах смеха. Им было хорошо. Возможно, завтра они поссорятся и не будут больше вместе, но сегодня их это не волнует, сегодня они живы симпатией друг к другу и тем композитом, который их соединил. Они о нем не знают, это просто что-то внутри толкнувшее их к новым чувствам и открытиям нового мирка внутри каждого. Этот композит любопытство? Нет. Чувства? Нет, они еще не зародились. Этот композит – жажда нового! Причем, такого нового, которого хочется больше всего....».

Конспект так и оборвался этой мыслью, и я понял, что учить тут вовсе нечего, поэтому решил пойти прогуляться по месту, где я раньше не бывал – где было что-то новое.

Проселочная дорога закончилась выходом в лесную посадку, за которой следовали пустыри и железная дорога от нашего завода. Мне не приходилось бывать очень далеко от этой улицы, но ноги требовали новых путей.

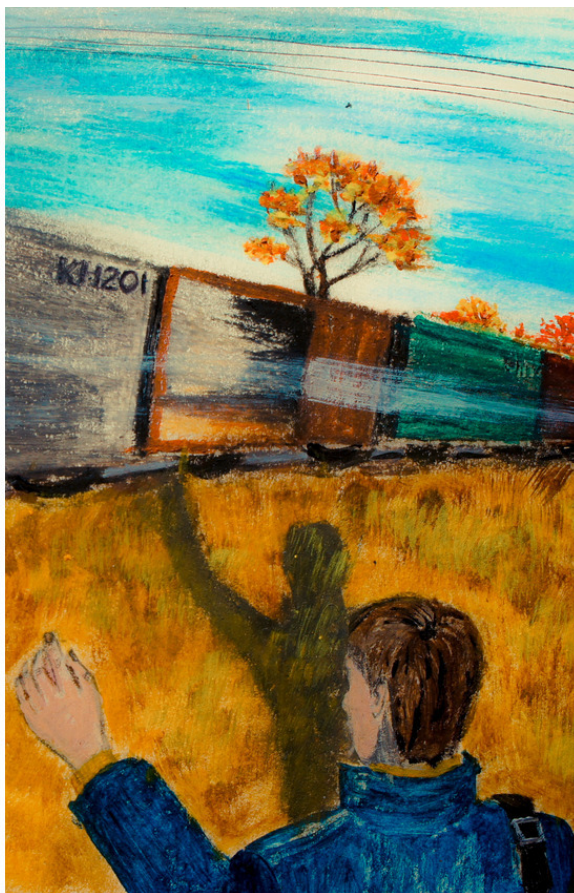
Тихо. Поют птицы и собственные шаги складываются с дыханием в один стук, сотрясающий спокойные деревья. Здесь очень хорошее место, чтобы подумать, только ночью, наверное, страшновато, надо вернуться до темноты. А подумать, действительно, было о чем, едва бы хватило времени до того, как стемнеет. Разбивши свой план по пунктам, я, не стесняясь потихоньку начал самоанализ.

Аня больше не училась с нами, или со мной, вместе. После этого я долгое время болел: ниоткуда появилась температура, слабость, провалился в постели с неделей, а потом еще долго кашлял и шмыгал носом. Не знаю, хотел ли я заболеть или правда была какая-то инфекция,

но симптомы были настоящими. Как-то даже потянуло писать стихи, хотя на больную голову получались больные стихи, которые быстро утомляли, а потом перестал. Всегда ли мучения приходят о том, чего не было? Как бы я реагировал, если б мы все-таки были вместе, пусть даже на один день, как та парочка за стеклом аудитории, а потом разошлись бы, потеряв интерес к новому? Наверное, по-другому, но теперь этого не узнать. Она ушла, но появился «Я», и за это «Я» ей благодарен.

Я боялся кому-то показать свои рассказы, прятал их, как секретные данные разведчиков и не любил любопытных людей. Единственный, кому я впервые открылся, был тот самый Ваня. Он с интересом читал их, иногда критиковал или смеялся над ошибками в словах, давал советы по поводу массового обнародования, а я боялся и отнекивался. Они ему нравились, особенно тот, который был посвящен Ане, но под другим именем, наверное, он догадался. В конечном итоге, не спрашивая моего мнения, он отдал несколько моих историй в университетский журнал, который напечатал только одно понравившееся им, проигнорировав самые лучшие рассказы, по моему мнению. Так про меня узнали сокурсники, про мое хобби и про мои мысли, про то, что я так скрывал. Многим нравилось, преподаватели хвалили за увлечение, но ругали за оценки и халатное отношение к предметам, девочки с других факультетов, через общих знакомых стали больше общаться со мной, но не с моими рассказами. В целом, Ваня очень помог мне, особенно тогда, когда хвалил и говорил, что нужно продолжать, сам увеличивая при этом все больше свою дневную норму алкоголя. Мне тоже хотелось ему помочь. Я предложил нашим организаторам концертов создать небольшой театр, давать спектакли, где Ваня смог бы играть главные роли, но массовики-затейники высмеяли сценарий так же, как Ниточкин идею о его участии. Жаль. По крайней мере, моя цель учиться на писателя укрепилась и стала ближе, вот только сессия...

Сессия.... С этим отрезком плана у меня были самые большие проблемы – плана не было. Я не знал, как сдать хоть один экзамен, даже на три. Подойдя к этому участку плана, который обрывался, меня тоже оборвали.

Передо мной оказались рельсы, ржавые, с замасляными шпалами посередине. Никакого распутья или еще что, просто рельсы, ведущие в две стороны и все. Влево они уходили в сторону, где был наш завод, если я правильно ориентировался, а вправо.... Что было там? Издали грянул сигнал, означающий приближение поезда. Я отошел в сторону, чтобы не нервировать водителя, тянущего, по-видимому, тяжелый груз состава. Он шел медленно, сотрясая землю на каждом стыке рельс, отбивая одинаковый всеми узнаваемый ритм еще с детства. На него так легко запрыгнуть.... А что если...? Не зная, куда он направляется, просто сесть на него и абсолютно без билета и соседей отправиться в неизвестное, но так меня давно ожидающее Будущее...! Зачем ждать, пока доучусь, найду работу, заново начну учиться и, только потом стану тем, кем хочу. Вот он – билет в Будущее!

Я подошел ближе, первый вагон проехал, и машинист не увидел бы меня из-за поворота. Моя рука протянулась к скользящим мимо вагонам, пальцы, касаясь, снимали черную сажу с их поверхности. Все тело снаружи обдавалось шумом и мощью, громяющих в полушаге составов, а изнутри – вздрагиваниями, раздающихся далеко за пределы леса. Надо просто шагнуть, когда появится следующий пролет без лестницы.... Просто шагнуть... к Будущему...!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.